

ИЗУЧЕНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОСТИ

На начальном этапе внимание исследователей во всех языках привлекает оноματοпея. «Осознавая окружающее, человек выделяет в нем не находящиеся в покое и безмолвные предметы, а в первую очередь предметы движущиеся и звучащие» [Пауль 1990: 54]. Однако изучение оноματοпеи на материале немецкого языка, на наш взгляд, проводится недостаточно широко [Reinius 1908, Hilmer 1914; Sommer 1933; Schmitt 1950 и др.] и не всегда системно.

По мнению большинства немецких исследователей [Bühler 1934; Schmidt 1959; Schippan 1984; Erben 1997 и др.], звукоподражательные слова являются периферией в немецком языке, так как малочисленны и играют незначительную роль в системе языка (что является стереотипным представлением относительно многих языков). Оноματοпы приводятся преимущественно в качестве примера действия фонетико-фонологической мотивировки или же включаются в исторический обзор в рамках теории номинации. Однако русскоязычная германистика подвергает сомнению данный тезис: ЗИС современного немецкого языка «значительно богаче и разнообразнее, чем считалось ранее. Она тесно связана с общим словарным фондом и постоянно пополняется» [Филимоненко 2008: 4-5].

По нашим наблюдениям, роль оноματοпеи в немецком языке гораздо важнее, чем в русском. Так, в немецком языке оноματοпея легко образует термины: *klipp* “звук стука, треска” > в геологии *Klippe* “тектонические утёсы (останцы надвига)”, в пищевой промышленности *Klippe* “разделка рыбы на клипфиск”, *Klippmaschine* “остеотделитель; шасталка”, в авиации *Klipper* “реактивный самолёт (лайнёр) для трансатлантических полётов”, в морском деле *Klipper* “клипер, быстроходное парусное судно”, в зоологии *Klippspringer* “антилопа-прыгун” и др. Едва ли в русском языке найдутся терминообразования типа *стукер*, *ляпер*, *бамсон*, *динька* или *тяпун*.

О. В. Матасова отмечает, что реликтовость, аномальность на фонологическом, семантическом и стилистическом уровнях, наглядность и эмоциональность значений, принадлежность к сниженной лексике, просторечию, диалектам, сленгам и жаргонам, профессиональным говорам делает звукоподражательные междометия привлекательными для употребления в таких специфических языковых сферах как комиксы, лепетный язык, средства массовой информации, реклама и т.п. Активное функционирование исследуемых единиц <...> влечет усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций [Матасова 2006].

Одно из первых специальных исследований ономотопеи немецкого языка – работа Г. Хильмера «Звукоподражание, словотворчество и изменение значений» [Hilmer 1914], в которой устанавливаются некоторые закономерности в характере соотношений между звукоподражательным словом и его денотатом в немецком и английском языках: звуки удара передаются корнями, в конце которых – взрывные согласные; длительные шумы – корнями, оканчивающимися фрикативными согласными; удар с последующими постепенно затухающими колебаниями – корнями с конечными носовыми согласными. Звукоподражание в исследовании получает широкое понимание: неразличение ономотопеи и звуко-символических слов.

А. Шмитт исследует звуки шлифования и удара [Schmitt 1950], Е. М. Эрнст – звуки, издаваемые животными, и соответствующие звукоподражательные глаголы в немецком, французском и итальянском языках [Ernst 1990]. Большой научный резонанс [Brown 1956; Marchand 1959] по звукоподражательности вызвала работа Х. Виссеманна [Wissemann 1954], однако исследование выполнено на материале английского языка. В классификации ономотопов, предложенной Х. Виссеманном, имеется «частичный выход в экстралингвистику». В ранних классификациях А. Фрелиха и Х. Марчанда звукоподражания распределяются по фонемам, а не по типам фонем в составе ономотопа, что является их существенным недостатком [Воронин 1982: 17].

Отдельные аспекты ЗИС немецкого языка активно исследуются в славяноязычных работах. В области ономотопеи исследуются фоносемантические аспекты образования звукоподражательных междометий [Матасова 2006], сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках [Дементьева 1982], ономотопозитические глаголы в современном немецком языке [Глухарёва 1978], структурно-семантические особенности звукоподражательных глаголов немецкого языка [Корниенко 1983], сопоставление словообразования звукоподражаний в немецком, французском и русском языках, а также коннотации [Хабибуллина 2003], семантические аспекты и словообразование [Филимоненко 2008] звукоподражательных слов. Эти исследования опровергают утверждения (К. Bühler; W. Schmidt; T. Schippan; J. Erben и др.) о том, что ономотопея занимает незначительное место в системе немецкого языка.

Вопрос словообразовательной продуктивности ономотопей также не раз привлекал внимание исследователей. Для звукоподражательной подсистемы немецкого языка типичны все основные способы морфологического словообразования [Филимоненко 2008: 24]. О. А. Хабибуллина исследует словообразовательный потенциал звукоподражательных слов в немецком, французском и русском языках, выделяя пять типов словообразовательных гнезд немецких ономотопов: гнезда-слова, гнезда-пары, гнезда-цепи, веерные гнезда и гнезда-деревья [Хабибуллина 2003: 10]. С. А. Филимоненко считает, что в немецком языке правомерно выделять только два типа гнезд: веерные

гнезда и гнезда–деревья. Вне зависимости от частеречной принадлежности вершины словарного гнезда его глубина может составлять от одного до трех деривационных шагов [Филимоненко 2008].

О. В. Матасова описывает семантический и словообразовательный потенциал десяти немецких звукоподражательных основ: *baff / paff, bauz, bamm / pamm, klack, klapp / klappf, klatsch / kludsch, patsch / batsch, plump / blump / plumb / pflumpf, ratsch, schwapp / schwabb*. В качестве основных критериев звукоподражательной единицы выделяются акустический характер денотата, девиация фонемной комбинаторики слова, типологическое сходство по языкам, редупликации. Устанавливаются звукоизобразительные функции немецких фонемотипов: гласный переднего ряда в корне (имитация высоких звучаний), аффриката в ауслауте (имитация звука удара вследствие столкновения поверхностей, одна из которых мягкая/жидкая), вибрант [R] (имитация диссонанса), финальный носовой (имитация продолжительного акустического эффекта) и др. [Матасова 2006].

Е. А. Глухарева, которая исследует структурные и семантические особенности немецких звукоподражательных глаголов, приходит к выводу, что диссонантный характер вибранта [R] позволяет имитировать резкие, дрожащие, стрекочущие, трескучие звуки реального мира [Глухарева 1978].

По данным С. А. Филимоненко, редупликация и трипликация нетипичны для немецкого языка. Редупликация засвидетельствована только у звукоподражаний: *Tamtam* “тамтам”, *blablabla* межд. “вздор!”. Наличие редупликации исторически засвидетельствовано у восьми глаголов (*beben* “дрожать”, *dudeln* “дудеть”, *kuckucken* “куковать”, *lallen* “болтать”, *plappern* “тараторить”, *quieken* “пищать”, *zittern* “дрожать”, *quinquilirieren* сев.-нем. “свистеть”) и только у одного прилагательного (*plemplem* “свихнувшийся”). В немецком языке редупликация выступает в виде удвоенных аблаутированных (*Klingklang* “звон”, *ritschratsch* “трр!” (звук разрывания ткани, бумаги) и рифмованных (*Klimbim* “музыкальный оркестр”, *Remmidemmi* “шум, переполох”) образований [Филимоненко 2008: 9].

В то же время в материале О. В. Матасовой из 131 примарного междометия, которые образованы от 10 звукоподражательных основ, выделяется 37 редуплицированных единиц [Матасова 2006], что составляет почти треть (более 28 %) исследуемого материала. Если принимать во внимание широкое понимание редупликации [Колева-Златева 2008] и данные нашего словаря [НРСО], то очевидно, что роль редупликации в немецком языке гораздо шире.

Многие ономотопы характеризуются четко выраженной разговорной окраской. Одновременно с этим звукоподражательные слова встречаются в терминологии, главным образом это охотничья и фонетическая лексика: *keckern* охот. “лаять (о лисе)”, *knappen* охот. “токовать (о глухарях)”, *quorren* охот. “токовать”, *Hauchlaut* “глухой придыхательный звук”, *Zischlaut* фон. “сбилянт” [Филимоненко 2008: 5, 10].

В центре внимания немецкоязычных исследователей находится категория интеръективов, их фонологические, просодические, графические, морфологические, синтаксические, функциональные особенности [Schmidt 1959; Nübling 2004; Schmauks 2004; Yang 2001; Burkhardt 1998, Reisigl 1999; Ehlich 1986; Fries 2002]. В работе D. Nübling дается фоносемантическая интерпретация некоторых единиц: щелкающий звук служит для выражения восторга; билабиальный вибрант *r* – для обозначения озноба и пр.

В немецких интеръективах на основе семантики выделяются слова, выражающие эмоции, слова-команды и звукоподражания [Burkhardt 1998: 44].

Традиционно в немецкой лингвистике существует широкое и узкое понимание междометия. В широком понимании под интеръективами понимаются слова для выражения чувств (*ach, au*), звукоподражания (*bum, knack*), слова клича и отгона животных (*hüh, hott*), а также вторичные междометия (*Donnerwetter!; O Mann!*). В одной из первых классификаций Я. Гримма интеръективы включают: а) возгласы для страстного выражения чувств; б) подражания звукам природы; в) слова клича и отгона животных [Приводится по: Ehlich 1986: 23; Reisigl 1999: 16-17].

В узком понимании интеръективами считаются слова для выражения чувств (*Empfindungswörter*) [Trabant 1983, Burkhardt 1982, Duden 1995]. Остальные группы (ономатопэтика, слова клича и отгона животных, вторичные междометия) исключаются из состава интеръективов [Trabant 1983: 69].

С 70-х гг. XX в. в немецкой лингвистике обсуждается проблема разграничения частиц и междометий. В грамматике Duden такие единицы языка как *ahoi, pst, sch*, которые традиционно считаются интеръективами, относятся к разговорными частицам (*Gesprächspartikel*) [Duden 1995]. А. Burkhardt, выдвигая в качестве основного критерия эмоциональность междометий, единицы языка *hm, na*, которые имеют функцию регулирования речи (*redegliedernde Funktion*), *pst, sst, still, schnauze, husch, dalli dalli*, которые выражают приказы, просьбы, угрозы, а также команды животным *hüh, brr, hopp*, также считает разговорными частицами (*Sprechhandlungspartikel*) [Burkhardt 1982: 155]. Е.-М. Willkor считает, что междометия *ach, ah, oh, hm, tja* могут выполнять функцию частиц, т.е. участвовать в организации речевого акта [Willkor 1988: 59].

В немецкой лингвистике пытаются разграничить междометия и рефлексорные звуки, хотя границы между ними нечеткие. Так, зевание может обозначать скуку, покашливание может быть сигналом для привлечения внимания собеседника [Wilde 1978: 17]; выдох может обозначать презрение, плевание – отвращение [Nübling 2004: 25]. Междометия *pah, pfui* содержат рефлексорные звуки. Так, фонема [p] в данных междометиях первоначально имитировала звук при плевании, отрыжке [Burkhardt 1998: 53; 56]. В словаре Duden междометия *pah, pfui* зафиксированы соответственно как возглас презрения и возмущения, отвращения [Duden]. В междометиях *pst, pscht*

фонемы [s] und [S] имитируют шепот. С помощью этих глухих фрикативных звуко-символически выражается требование к тишине [Yang 2001: 48-49].

Исследователи немецких интеръективов D. Nübling и Ch. Yang (в сопоставлении с китайским языком) различают прототипические междометия, которые служат для экспрессивного выражения эмоций, и прототипические ономатопы, первичной функцией которых является имитация звуков действительности [Nübling 2004; Yang 2001].

Таким образом, в германистике происходит разграничение типов фоносемантических маргиналий в рамках специальных исследований.

В немецком языке существует множество типологий фоносемантических маргиналий. W. Wundt различает по лексическому критерию первичные и вторичные междометия (*O Mann!*). К первичным междометиям относятся слова для выражения чувств, т.е. первичные междометия (*ach, pfui*), а также оноματοпэтика (*plumps, peng*). Первичные междометия возникли из природных звуков животных и человека и «первичны, потому что полностью сохранили характер звуков природы» [Wundt 1900: 303]. Оноματοпэтика также относится к первичным междометиям, потому что включает звукоподражания другим шумам (*plumps, peng*).

Г. Вайнрих выделяет три группы междометий: ситуативные, экспрессивные и имитативные звукоподражания [Weinrich 1993: 858-860]. В.Т.Косов выделяет истинные (*ah, ach, aha* и др.), звукоподражательные (*bauz, pardauz, klippklapp* и др.) и производные (*Donnerwetter, Gott* и др.) междометия [Косов 1963]. В этой классификации смешиваются разные критерии [Бабаева 2008: 161].

Д. А. Штелинг выделяет в междометиях эмоциональную (выражают чувства: *wehe mir, hurra, oh*) и императивную (выражают волеизъявления: *hush, pst, sch, na*) подгруппы. В эмоциональных междометиях разграничиваются ситуативные (выражают чувства вообще, значение раскрывается из контекста: *mein gott, Heiliger Moses, Jesus Christ*) и значимые (выражают конкретные чувства или определенное отношение к действительности: *o weh* (уныние) [Штелинг 1996: 42]. Звукоподражания в данной классификации не выделяются, хотя имеют место в иллюстративном материале: *wehe, oh, hush, pst, sch, na*.

Слова, которые обозначают различные шумы, M. Groß делит на 1) собственно ономатопы (*eigentliche Onomatopoeitika*), которые обозначают исключительно шум (*plumps; ticktack*), 2) интегрированные ономатопы (*integrierte Onomatopoeitika*), которые указывают на объект или внешнюю акустическую оценку шума или источника шума (*Geplätscher, Geklirr*), и 3) звукоподражательные слова (*lautmalende Wörter*), которые обозначают шумы, действия или объекты, связанные с шумами (*piepsen; quietschen*) [Groß 1988: 243-244]. В данной классификации оноματοпэтии подразделяются по частям речи: сущ. *Geplätscher, Geklirr*, глаг. *piepsen; quietschen*. Достоинством данной типологии представляется выделение собственно оноματοпов

(*plumps; ticktack*), которые мы называем фоносемантическими маргиналиями. Существительные и глаголы по фоносемантическому закону кросс-уровневой контактности можно рассматривать в одной группе ономотопов.

С. А. Филимоненко выделяет в немецких звукоподражательных глаголах пять групп: 1) природные звуки: *plätschern vi* “журчать”; *tro(ö)pfen vi* “капать”; 2) антропоцентричная группа: *gurgeln vi* “полоскать горло”; *kichern vi* “хихикать”; 3) анимальная группа: *bläffen vi* “лаять”; *bähen vi* “блеять”; 4) звуки, издаваемые рукотворными предметами и механизмами: *flöten vi* “играть на флейте”; *orgeln vi* “играть на органе”; 5) смешанный тип (источником звука выступают природа, человек, животное или механизм): *kratzen vt* “царапать”; *grapschen vt* разг. “жадно хватать, цапать” [Филимоненко 2008].

Отдельного внимания заслуживает классификация «интеръективного спектра» D. Nübling, в которой разграничиваются интеръективы и ономотопэтика. Прототипический центр интеръективов образуют первичные (эмотивно-экспрессивные) (*ach, au*) и императивные (*he, pst*) интеръективы. К интеръективам относятся вторичные междометия (*oh Gott, Donnerwetter*), а также «глаголы без окончания» («*Inflektivten*») (*ächz, würg*). В центре звукоподражаний находится ономотопэтика (*tatütata, klingeling, muh, miau, glidelitt* (Handy)). В отдельные группы выделяются детские слова (*Wauwau, brumbrum*) и ономотопеические лексемы (*onomatop. lexeme*) (*Knall, Kuckuck, fluestern, tschilpen*). Слова *äh, ne* квалифицируются как частицы [Nübling 2004].

D. Nübling располагает немецкие интеръективы в порядке возрастания иконичности: в начале полностью произвольные ономотопеические лексемы (*Knall, Kuckuck, flüstern, tschilpen*), затем детские слова (*Wauwau, brumbrum*), в конце – ономотопэтика (*tatütata, klingeling, muh, miau, glidelitt* (Handy)). Причем *tatütata* – конвенциональное, а *glidelitt* – ad-hoc образования.

На наш взгляд, все приведенные слова являются в равной степени звукоподражательными, однако заслуживает внимание попытка автора установить нарастание / угасания степени иконичности исследуемых слов. Прототипические междометия (*ach, Au, ih, igitt, juhu*), как справедливо отмечает автор, обладают эмоциональностью. К прототипическим междометиям также относятся *pfui, puh, hui, brr, bäh*, которые, по D. Nübling, содержат ономотопеические структуры [Nübling 2004: 14].

По нашему мнению, эти слова являются звукоподражаниями, которые могут иметь междометное значение: ср. ***bäh*** lautm. “блеяние овцы”. *Fries schaute hin, der Bock schaute her; seine Lichter waren starr auf die verdächtige Erscheinung gerichtet. «Bäh... bäh... bääh!» Er schallte und sprang weg* (GB: L. Toma); ***bäh*** int обозначает и/или указывает на брезгливость, презрение. *Guck mich doch nicht so blöd an! – Bäh!*

Так называемой интеръективностью, по D. Nübling, обладают также междометные наречия *schwupp, ruckzuck, peng*, именные основы *Trübsal! Frust!* “тоска!”, возгласы приветствия, пожелания *hallo, he, prost*, слова клича

и отгона животных *hü, hott, putputput*, разговорные частицы *mhmh, hm, wa, gell*.

Итак, классификация, предложенная D. Nübling, является многомерной: разграничиваются междометия, которые отличаются эмоциональностью, и звукоподражания, для которых характерна иконичность, оноματοпеическая организация, а также частицы и наречия.

Однако для существующих классификаций немецких интеръективов характерен очевидный разрыв взаимосвязи содержания и его формального выражения, хотя некоторые авторы (A. Burkhardt, D. Nübling) пытаются установить соотношение звуковой оболочки фоносемантической единицы с ее содержанием. Отсутствуют четкие критерии разграничения звукоподражаний, междометий, частиц, производных междометий и пр., несколько «размыты» собственно фоносемантические позиции в классификации.

Целесообразнее, на наш взгляд, данные языковые единицы классифицировать на основе универсальной классификации оноματοпов. Так, в типологии D. Nübling можно выделить акустические оноματοпы *Knall, tatiütata, klingeling, glidelitt*, а также звуки животных *muh, miau, Wauwau, brumbrum*, которые мы относим к артикуляторным оноματοпам.

Таким образом, анализ типологии немецких интеръективов показал, что данный материал не получил характеристику в собственно фоносемантическом аспекте.

Большое значение для изучения звукоизобразительности имеют отечественные работы по исследованию интеръективов: проблема концептуализации и денотативного статуса отыменных междометий [Алференко 1999], функционально-стилистические аспекты интеръективов [Анищенко 2006], коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе [Болтнева 2004], функции междометий в диалоге [Максимова 2000], междометные фразеологизмы [Литовкина 2005] и др.

Исследуются функции междометий: эмотивная, метакоммуникативная (регулятивная), модальная и синтаксическая [Бабаева 2008: 29]. Наряду с основной эмотивной функцией междометия отмечаются и прагматические функции: 1) организация дискурса: открытие речевого шага, смена темы, корректировка; 2) модальность: незначительность, низкая оценка, недоверие, очевидность, усиление желания [Бабаева 2008: 178].

С одной стороны, проблема интеръективов в немецком языке разработана недостаточно, в том числе следует отметить и несистемную лексикографическую фиксацию. С другой стороны, принадлежность к системе того или иного языка определяет функциональный диапазон интеръективов, что требует специальных, в том числе и сопоставительных исследований.

Их функционирование в различных языках обретает специфику. Так, для русских междометий Е. Ю. Кустова отмечает следующие типологические черты, отличающие их от французских междометий: 1) синтаксическая

функция образования интеръективных устойчивых (фразеологизированных) синтаксических схем в составе предложения; 2) морфологизация звукоизобразительных форм, приобретающих значение глагольного сказуемого [Кустова 2010]. Для русского разговорного языка характерно употребление так называемых междометных глаголов (звукоподражаний) *хлоп, бряк, бабах* и пр. в функции сказуемого (*Он бряк-бряк по столу-то; Матрос хватъ наган, и хлоп его как муху*), что не свойственно немецкому, английскому, французскому разговорным языкам [Земская 2004].

На наш взгляд, проблемы грамматического статуса немецких интеръективов связаны с их особым (маргинальным, переходным) статусом [Шляхова 2005]. Для ономастопей в немецком языке характерна грамматическая переходность: звукоподражание может обозначать действие как глагол (*Bums, da liegt er!*); предмет как существительное (субстантивация) (*Krach machen* разг. “учинить скандал”); признак действия как наречие (адвербиализация) (*in einem Schwupp* “мигом”; *eine halbe Zigarette hochstens, und schwupp war sie in seiner Jackentasche verschwunden*) [Бабаева 2008].

Особой функционально-грамматической группой следует считать подзывные слова и слова отгона животных [Кандакова 2003; Шляхова 2005, 2012], которые практически не привлекают внимание исследователей: *kusch* “цыц!, лежать! (приказание собаке)”, *put* “цып-цып”, “тип-тип” и др.

Первообразные междометия немецкого языка являются элементами многих фразеологизмов. Напр.: *ach: Ach ja! Ach je! Ach prima!, Ach so!; Ach was!; Ach wo!; Ach du Schreck!; Ach du Schande!; Ach komm! Ach Unsinn! Ach du liebe Zeit!; Ach Gott! Ach du lieber Himmel!* Слово *ach* из всех междометий немецкого языка является самым продуктивным элементом в создании устойчивых сочетаний [Бабаева 2008: 190]. Система примарных немецких междометий характеризуется гиперактивным участием в словообразовательном процессе, т.к. отмечается наличие большого количества производных в форме глаголов, существительных, наречий и прилагательных. Особенно продуктивны в этом плане основы *baff, bam, klacb>, klapp, klatsch, schwapp*. Междометие *bauz* представляет собой наименее продуктивный звукокомплекс [Матасова 2006].

Материалы нашего Словаря [НПСО], расширяют список продуктивных немецких интеръективов: продуктивны *timm, bim, bum, brumm, rarr* и др.

Фоносемантика рассматривает ономастопею как одно из наиболее значимых свидетельств примарной мотивированности языкового знака, которая лежала в основе проторечи. Исследования показывают, что первичная невербальная система коммуникации ребенка позднее переходит в «звукоизобразительную» стадию, когда ребенок ищет буквального отражения действительности: приблизить звуковую форму к изображаемому предмету или явлению [Шахнарович, Юрьева 1990, Исенина 1986, Лепская 1997 и др.].

В словаре *Duden* имеются слова с пометой *Lallwort* (детское): *papp* “лепетное слово детского языка” [Duden]. Слово имеет такое же происхождение, как и рус. *мама, папа, дядя*: из детской речи с повторением созвучных слогов. Ср. англ. *Baby* “дитя”, ит. *babbo* “папа”, алб. *bebe* “ребенок”, тур. *babe* “отец”, “папа”, кит. *баба* “отец”, индонез. *bara(k)* “отец”, “папа” [Черных I: 62].

Интересно проследить, какие значения развивает это слово в немецком языке: *rapperrapp* “глупая болтовня”; *rappeln* “болтать”; *Papp* “каша”; *Papparbeit* “картонажная работа”; *Pappe* “папка”; “толь”; “клей; каша”; “морда”; *rappeln* “клеить”; “делать из картона”; “есть, шамкать”; *rappeln* “кормить кашицей (маленького ребёнка)”; “баловать”; *Rappenheimer* “проказник, шалун”; *Rappenstiel* “безделица, пустяк”. Очевидно, изучение лепетных слов имеет большое значение для фоносемантических исследований.

Краткий обзор основных работ по исследованию звукоподражательности в немецком языке позволяет сделать вывод о том, что ономотопея в немецком языке требует более глубокого анализа. Специальные работы, посвященные немецкой звукоизобразительности, ориентированы не на фоносемантическую специфику (исключение – работы О. В. Матасовой и Е. А. Глухаревой), а грамматические, словообразовательные и семантические возможности лексики. Фоносемантическая интерпретация ономотопеи остается на периферии этих исследований, в том числе ее универсальность и специфичность. Установление фоносемантических универсалий является одной из насущных задач фоносемантики.

Работы О. В. Шестаковой посвящены сопоставительному описанию немецкой и русской ономотопеи в собственно фоносемантическом, семантическом, лексикографическом и функциональном аспектах и выявлению универсальных и специфических характеристик в сфере звукоподражательности.

Системное лексикографическое описание немецкой ономотопеи представлено в книге «Немецкая ономотопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь» [НРСО], которая состоит из монографической и словарной частей (немецкая часть – О. В. Шестакова, русская часть – С. С. Шляхова). В монографической части представлен анализ научной литературы, посвященной исследованию немецкой звукоизобразительности; выявлены проблемы изучения звукоизобразительности и лексикографической фиксации ономотопеи¹, выявлены фоносемантические

¹ См. также Шляхова С. С., Шестакова О. В. Проблемы изучения звукоизобразительности в немецком языке // Вопросы филологии (спецвыпуск). Язык, культура, общество: тезисы докладов VI междунар. науч. конф. М., 2011. С. 138–139; Шляхова С. С., Шестакова О. В. Изучение звукоподражательности в немецком языке: проблемы и перспективы // Вестник Перм. гос. техн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4 (30). С. 171–185;

принципы сопоставления ономастопей в двуязычных словарях, предложена фоносемантическая типология немецких ономастопов в сопоставлении с русскими, в самом общем виде описана фоносфера немецкого языка и ее отражение в языке.

Словарная часть представляет собой немецко-русский словарь ономастопей, в котором представлено системное лексикографическое описание немецких ономастопей. На русском материале, по нашим данным, существует лишь два словаря, которые включают только фоносемантические маргиналии [Квеселевич, Сасина 2001; Шляхова 2004].

Были выявлены следующие **проблемы в области лексикографической фиксации** ономастопов²: недостаточная и несистемная лексикографическая фиксации звукоизобразительных слов; нечеткая система помет; недифференцированность ономастопей, междометий и звукоименических слов; недостаточная этимологическая разработанность этого лексического пласта; отсутствие четких критериев сопоставления в двуязычных словарях; некорректность перевода ономастопей в двуязычных словарях.

Выявлены универсальные и специфические фоносемантические принципы сопоставления ономастопей в двуязычном словаре³. К *универсальным признакам* относятся: акустический признак (*bat* – бам, *bit* – бим); фонемная идентичность (*bäh* – бе, *hihi* – хи-хи); фонемная идентичность (*plumps* – плюх); фонемотипная идентичность (klap – хлоп). К специфическим признакам относятся: фонемная языковая специфика (нем. фонемема /kn/: *knack(s)*, *knick(s)*, *Knall* – рус. фонемема /xp/, /tp/: *хруст*, *треск*); звукоизобразительные мотивировка и этимология («колюще-режущая» семантика: нем. *Die Klingle kreuzen* «скрестить шпаги», помериться силами (в споре) – рус. *рубиться*, *пикироваться*, *резаться на словах* «спорить»; обмен колкостями «спор»).

Словарь включает ономастопей, функционирующие в немецком языке, их русские корреляты, а также идиомы и фразеологизмы, где базовым компонентом является ономастопей. Словник составлен на основе корпусов немецких, русских, славянских этимологических, толковых, сленговых словарей, научных справочников и исследований, а также материалов русскоязычной и немецкоязычной корпусной лингвистики.

Основным **критерием отбора единиц** является их примарная мотивированность: возможность включения единицы в ЗИС немецкого языка на основе универсальной классификации ономастопов; звукоизобразительные

² См. также Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономастопее: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГПУ, 2013; 256 с.; Шляхова С.С., Шестакова О. В. Проблемы лексикографической фиксации интеръективов в русских и немецких словарях // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, № 33 (248). С. 213–215;

³ См. также Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономастопее: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГПУ, 2013; 256 с.; Шестакова О. В. Фоносемантические принципы сопоставления ономастопей в лексикографическом дискурсе // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: материалы междунар. науч. конф. 26–28 апреля 2012 г.: в 2 ч. Ч. 2. Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2012. С. 45–51.

этимологии в одном из этимологических источников; «звуковое» значение слова, которое указывает на акустический денотат.

В словаре содержится около 1100 словарных статей, которые распределены в 210 фоносемантических гнезд. В гнезде содержится от 1 до 30 словарных статей. Словарные статьи располагаются по алфавитно-гнездовому принципу. В основе алфавитного расположения – немецкий алфавит. Каждое фоносемантическое гнездо состоит из немецкой и русской части. Заголовочные единицы гнезд – фоносемантические маргиналии, в том числе редупликации (*hihi, toitoi*) и трипликации (*blablabla*), аблаутные диады (*klipp-klapp; klitsch-klatsch; ritsch-ratsch; rips-raps*) и рифмованные образования (*holterdiepolter, kladderadatsch, schwuppdiwupp*) и т.п. В состав гнезда входят слова, производные от данных маргиналий. К словам приводятся русские эквиваленты.

Данное издание применялось в практике преподавания немецкого языка студентам химико-технологического, автодорожного факультетов и факультета прикладной математики и механики в Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Использование ономастопей в практике преподавания немецкого языка как иностранного на начальном и продвинутом уровне стимулирует интерес у обучаемых, облегчает усвоение значений лексических единиц из разных сфер бытования. Из звукоподражаний «выводятся» на основе фоносемантического и этимологического анализа многие слова языка. Например, такие немецкие слова как *klappen* «ладиться, идти на лад»; *Klappe f* «рот»; *Klapperschlange f* 1) «гремучая змея»; 2) «болтуня, трещотка, машинистка», а также фразеологизм *Er hat einen Klaps* «Он рехнулся» происходят от звукоподражания *klapp*, которое обозначает звук легкого удара, стука.

Подобная подача материала, пополняет словарный запас разговорной экспрессивно-оценочной лексикой. Описываются некоторые возможности применения фоносемантического словаря для развития различных навыков речевой деятельности⁴.

Поскольку именно аномальные звукоподражательные формы весьма несистемно и незначительно представлены в словарях немецкого языка, то словарь может быть также успешно использован в переводческих целях.

Кроме того, на основе звукоподражательной лексики отчетливо выявляются универсальные и специфические черты немецкого и русского языков, что способствует как формированию межкультурной компетенции (одной из важнейших задач при обучении иностранному языку), так и более адекватному переводу.

⁴ См. также Шестакова О. В. Фоносемантический словарь в практике преподавания немецкого языка // Язык и культура: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти академика РАН, д-ра филол. наук, проф. Ю. С. Степанова: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2012. Ч. 2. С. 165–169; Шестакова О. В. Звукоподражательные слова при обучении немецкому языку // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии, компетентностный подход: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. С. 326–330

В кандидатской диссертации Шестаковой О.В. представлено системное описание звукоподражательной подсистемы ЗИС немецкого языка в фоносемантическом, семантическом и лексикографическом аспектах⁵. Сопоставление немецкого и русского материала способствует выявлению универсальных и специфических характеристик ономотопеи.

Полагаем, что ономотопея сохраняет свойства некогда «единых синкретических, первоначально нерасчлененных комплексов» (В. В. Левицкий), к которым восходит множество семантических единиц, возникших в различных индоевропейских языках в процессе развития и дифференциации этих нерасчлененных комплексов. Считаем, что зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день. Анализ проблемы позволил выдвинуть предположение о том, что иконическая природа ономотопей и звукосимволических слов, связанная с семантическим синкретизмом древних основ, обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического происхождения. Установление маргинальности границ и совпадающих семантических полей звукоподражательной и звукосимволической областей позволяет предположить некий универсальный код иконического слова как такового.

Анализ полученных данных позволил выявить следующие **универсальные тенденции**:

1) семантика и количественная представленность немецких и русских ономотопей внутри семантических полей совпадают, что указывает на универсальный характер звукоподражательных слов как таковых и на непротиворечивость отражения в языке звуковой картины мира;

2) наиболее частотна ономотопея в репрезентации различных характеристик человека (физиологических, личностных, социальных) и предметно-вещного мира, а также различных этапов природных явлений, материи, небесных и земных объектов, животных, растений;

3) в некоторых научных областях (астрономия, история Земли, математика, физика, химия, медицина, философия) ономотопы представлены в незначительном количестве: нем. *Schwarzes Loch* “черная дыра”, *Bruch* “дробь”, *Kern* “ядро”; рус. *черная дыра, источник, дробь, вспышка*;

4) не зафиксированы или единичны ономотопеи в области религии, экономики, истории, права;

5) подавляющее большинство фоносемантических маргиналий со временем переходят в разряд системно грамматикализованных единиц: нем. *ach* “вздых” > *ächzen* “ахать, стонать”; *put* “слова для кур, цыплят” > *Put* “мелюзга”, *Puttchen* “малыш”, “маленькая беспомощная женщина”; *husch* “звук при резком движении воздуха” > *Huscher* “порыв ветра”; рус. *ax* > *ахать, цып* > *цыпленок, тук* > *стук, стучать, шух* > *шугануть* и пр.;

⁵ Шестакова О. В. Универсальное и специфическое в ономотопее: дис. ... канд. филол. наук. Пермь: ПГГПУ, 2013; 256 с.

б) тенденция к абстрактизации значений слов во времени очевидна в развитии незвуковых значений у ономатопои: нем. *butz* “бац, бряк” > *Butz* “домовой”, “карапуз”, “сердцевина”, “сгусток”; *drehen* “вращать, крутить” > *Draht* “провода”; *scheren* “резать”, “стричь” > *Schar* “толпа, куча”; *brechen* “ломать” > *Brache* “поле под паром”; рус. *касаться*, *грозный*, *скрипка*;

7) для когнитивной деятельности человека звучания человеческого тела и неживой природы (звуковые значения – первичные, прототипические) более значимы в сфере акустического денотата; в сфере неакустического денотата (незвуковые значения – более поздние) важнее звучания внешней среды;

8) тенденция к реализации регулярных – синестетических и логических – направлений установления ассоциативных связей: ономатопои имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Под «семантическим переходом» понимается факт совмещения в пределах одного слова двух разных значений – в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции. В современной синхронии «реально отграничить полисемию от синкретизма невозможно», т.е. «определение понятия семантического перехода, очевидно, не должно зависеть от противопоставления полисемия vs. синкретизм» [Зализняк]/

Всего в сфере ономатопои в немецком и русском языках установлено 83 регулярных семантических перехода, в том числе в сфере акустических ономатопои – 60 (удар, звук удара > *отрицание; соединение / разделение, часть; деформация, искажение; совокупность; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; изгиб, кривизна; жидкость; небесная сфера, земля; ландшафт; благополучие / неблагополучие; растения; животные; органы, части тела; некрасивость, уродство* и др.), в сфере артикуляторных – 19 (дыхание > *начало / конец; ветер; старость; смерть; звуки тела* > *органы, части тела; боль* > *болезни, нездоровье; ребенок, юноша; принимать пищу, пить; интимные отношения; ложь, подхалимаж, коварство; гонор, хвастовство; музыкальные инструменты; интенсивность* и др.), в сфере речевых – 4 (звуки внешнего мира; звучание человеческого тела; крики животных и птиц > *говорение человека; подзывные слова* > *животные*).

Установлена **специфика (идиозатничность) ономатопои**, которая связана с незначительными количественными и качественными различиями:

1) в немецком языке существует большое количество терминов, образованных от фоносемантических маргиналий, тогда как в русском языке в большинстве случаев термины являются заимствованиями. Один ономапоп образует термины в различных научных областях: *klipp* “стук, треск” > в геологии *Klippe* “тектонические утесы”, в пищевой промышленности *Klippe* “разделка рыбы на клипфиск”, *Klippmaschine* “остеотделитель; шасталка”, в авиации *Klipper* “реактивный самолет (лайнер) для трансатлантических полетов”, в морском деле *Klipper* “клипер, быстроходное парусное судно”, в зоологии *Klippspringer* “антилопа-прыгун” и др. Обыденно-когнитивные и

научно-когнитивные номинации часто совпадают: *Zapfen* “затычка, пробка (бочки)” – *тех.* “цапфа, шейка, втулка”; *Kern* “косточка, ядро, зерно, семя, сердцевина” – *тех.* “сердечник”, *эл. тж.* “кern (трансформатора)”, *мет.* “(литейный) стержень”, *горн.* “кern, колонка выбуренной породы”) и др.;

2) в немецком языке фоносемантические маргиналии образуют большое количество эргонимов, что не типично для русского языка: школа плавания «*Schwimmschule Plitsch-Platsch*»; предприятие по производству сантехники «*Plitsch Platsch Sanitärtechnik GmbH*» (*plitsch-platsch* “плюх-бултых”); школа вождения «*Fahrschule Töff Töff GmbH*» (*töff* “звук двигателя”) и пр.;

3) в русском языке в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены подгруппы *Следы, пятна, Подзывные слова и слова отгона животных, Физическая слабость, Глаза, Невнимательность, Упрямство, Злиться, сердиться, Инструменты для охоты, рыбалки, Жизнь общества, Религиозные отношения, обычаи, Ветхая одежда, Сверхъестественное, Преступники*. В немецком языке в 2–4 раза более значимы подгруппы *Игры взрослых, Технологические процессы, приборы, Функционирование техники, Интенсивность, Фигура, Течение жизни, Старение, Скупость, Напитки, Досуг, развлечения, Имущество, утварь*. Актуализация данной семантики в самом общем виде отражает особенности менталитета этносов.

Так, экспликация понятий, связанных с *техникой*, в немецком языке более чем в три раза превышает данные по русскому языку. Общеизвестно, что немцы дали миру множество изобретений: печатный станок (И. Гуттенберг), глобус (М. Бежайм), порох (Б. Шварц), мотор (Н. Отто), автомобиль (К. Бенц), двигатель внутреннего сгорания (Р. Дизель), радар (К. Хюльсмайер) и пр. Семантика *интенсивность* в немецком языке в десять раз превышает экспликацию этой группы в русском языке, что может быть связано с трудолюбием немцев и их знаменитым «категорическим императивом» *Ordnung muss sein* («Порядок превыше всего»). В русском языке в 2–4 раза больше, чем в немецком, представлены группы, которые тесно связаны с русской ментальностью: *религиозные отношения, обычаи* (православие как базовый компонент традиционной культуры); *сверхъестественное* (базовые категории культуры *душа* и *судьба*; убежденность в непреодолимости судьбы > мистицизм, вера в чудо и «авось»); *глаза* (глаза – зеркало души) и пр.;

4) в сфере артикуляторной ономотопии установлены специфические семантические переходы: в немецком языке – 4 (*звуки тела* > *движение жидкости, растения, транспортное средство, функционирование техники*), в русском языке – 7 (*звуки тела* > *разделение, часть; исчезновение; холод, мороз; благополучие / неблагополучие; физическая слабость > бесхарактерность; трудиться / бездельничать; осудить, арестовать*).

Установлено, что в области семантики немецкая и русская ономотопия содержит больше универсальных черт, чем специфических (идиоэтнических). Это характерно для любой фоносемантической категории.

В количественной представленности ономастопов отражаются отдельные черты этносов, что позволяет описать фоносемантическую картину мира на уровне ономастопей.

Согласно фоносемантической картине мира немецкий человек – это малоэмоциональный скупой фигуристый человек, который интенсивно при помощи техники создает имущество и утварь; старея, наблюдает за течением жизни и проводит досуг за напитками и играми; русский человек – это физически слабый, глазастый, но невнимательный, сердитый и упрямый человек в ветхой одежде, возможно, преступник, который занимается скотоводством и охотой, ориентирован на жизнь общества, соблюдает религиозные обычаи, верит в сверхъестественное и оставляет везде следы.

В нашей работе мы указываем на то, что в культурологическом и философском контексте рассмотрение экспликации ономастопей в языке заслуживает особого внимания. полагаем, что немецкая и русская фоносемантическая картина мира требует более детального исследования.

Таким образом, ономастопей исследуемых языков содержит больше универсальных черт, чем специфических (идиоэтнических), что характерно для любой фоносемантической категории.

Перспективы изучения универсального и специфического (идиоэтнического) в области звукоподражательности в разнотипных языках обусловлены возможностью исследования структуры, семантики и функционирования ономастопей по общим методикам, а также в анализе степени и характера экспликации в языках звуковой и фоносемантической картин мира.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОСИМВОЛИЗМА

Изначально теоретические вопросы сущности звукоизобразительности решаются в связи с вопросами происхождения и эволюции языка и мотивированности языкового знака. По В. фон Гумбольдту, «каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (*Articulationssinn*) подыскивает обозначающие это понятие звуки» [Гумбольдт 1984: 103].

В. фон Гумбольдт, В. Вундт, Г. Штейнталь, Г. Пауль, К. Бюлер и др. [Гумбольдт 1984; Бюлер 2001; Wundt 1900; Пауль 1990; Steinthal 1974; Fründt 2007] являются сторонниками наличия мотивированности звучания слова и его значения. Они считают, что при переходе от примитивного языка к развитому под влиянием многочисленных факторов исторической эволюции происходит прогрессивная фонетическая демотивация, и, следовательно, то, что кажется произвольным в языке, есть результат прогрессирующего вырождения первоначального «истинного» языка [Михалёв 1995], что согласуется с фоносемантическим законом стадильности развития языка: первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и

натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии) [Воронин 1982].

В. фон Гумбольдт определяет три способа обозначения понятий, которые коррелируют с понятием стадильности развития языка в фоносемантике: 1) «живописный» способ, который «постепенно утрачивается в ходе развития и совершенствования языка, заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные»; 2) «символический» способ «не исключает весьма значительной произвольности и избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета»; 3) «аналогический» способ «строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий», но при этом «не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер» [Гумбольдт 1984: 94].

В. В. Левицкий, опираясь на идеи В. Гумбольдта, выделяет три основные группы (выявленные статистически) фонетико-семантических связей: 1) звукоподражания: *gr* + рычать, ворчать, скрип; *kr* + хруст, ворчать, грохот, крик, удар и пр; 2) звуковой символизм: *tr* + быстрый, *gl* + блеск, *fl* + слабый, вялый, *gl* + гладкий, скользкий и пр; 3) связи, статистическая значимость которых обусловлена случайной распространённостью того или иного корня в данном языке и порождены «действием деривационного принципа формального и семантического развития» языка: чистить + *kl*, шутка + *tr*, щеголь + *sw*, пятно + *sm* [Левицкий 2009: 72-73].

Таким образом, фоносемантические идеи немецких классиков актуальны в настоящее время и развиваются в работах современных ученых (С. В. Воронин, А. Б. Михалёв, В. В. Левицкий, Ж. Колева-Златева и др.).

Изучение звукоподражательности в немецком языке проводилось не так активно, как звукосимволизма. Еще В. Вундт и Г. Пауль показали, что в немецком языке звукосимволизм является весьма продуктивным явлением. В немецких исследованиях звукосимволизма можно выделить следующие направления: установление звукоизобразительных универсалий (часто статистическими методами) и экспериментальные психолингвистические исследования, в том числе проблемы фонетического значения, синестезии, звукосимволизма в грамматике.

Теоретическими основами природы и функционирования звукосимволизма занимались многие немецкие ученые [Werner 1932; Sieberer 1947; Kronasser 1952; Ullmann 1964], но, по мнению В. В. Левицкого, не всегда удачно [Левицкий 2009: 8], что, впрочем, не уменьшает научной значимости этих работ. В немецкой науке накоплен большой опыт изучения цветного слуха (*Farbenhören*) и синестезии (*Synästhesie*). Обзор работ по этой проблеме представлен в [Прокофьева 2008].

Большая роль в исследовании синестезии принадлежит А. Веллеку [Wellek 1929, 1930, 1931, 1935, 1936]. В это же время началось активное исследование синестезии в искусстве психологами [Schliebe 1932; Stelzner 1903; Zietz 1935; Henning 1923; Hornbostel 1931; Lenzberg 1923], культурологами и филологами [Siebold 1919-1920; Margis 1910; Martin 1909; Hornbostel 1927; Budde 1989; Rainer 1923; Fischer 1909; Kayser 1932; Brock 1944].

Огромное количество работ посвящено цветному слуху [Révész 1923; Voss 1929; Zietz 1931; Pfister 1912; Anschütz 1925, 1926; Hartmann 1921; Hein 1926; Haselbrock 1935; Hug-Hellmuth 1912; Langenbeck 1913; Lomer 1905; Argelander 1927; Bleuler 1913; Bos 1929 и др.]. По мнению Л. П. Прокофьевой, эти работы заложили основы теории синестезии [Прокофьева 2008].

В современном немецкоязычном научном сообществе вновь возник интерес к этой проблеме в связи с общим вниманием к индивидуальным проявлениям человеческой психики. Среди современных работ следует отметить исследования М. Haverkamp [Haverkamp 2002, 2003, 2004], где обосновывается модель кросс-модальных связей [Haverkamp 2004]. В Институте нейрпсихологии университета Цюриха в последнее время активно изучают цвето-графемную ассоциативность синестетов, говорящих на немецком языке как родном. Отмечается зависимость ассоциаций от таких признаков, как положение букв в алфавите, частотность в речи и письменном тексте [Beeli 2007]. Активно исследуются синестетические связи в искусстве [Pütz 1995; Maur 1999; Teichmann 1990; Würtenberger 1979; Engelen 1966; Günther 1994; Jewanski 1996, 1997; Löef 1974; Truman 1983; Aschenbrenner 1975].

Изучение фонетического значения также имеет давнюю историю. Среди ранних исследований можно отметить экспериментальное исследование Г. Мюллера, который обнаружил связь между определенными звучаниями и понятиями [Müller 1935]. Лексические исследования и устойчивость ассоциаций между [i] и лексикой «малости» проведены и показаны М. Вандрушкой [Wandruszka 1954]. В сопоставительном плане изучается фонетическое значение (*Lautbedeutsamkeit*) С. Эртелем: статистическое исследование проводится на материале 37 языков, экспрессивный звуко-символизм – 25 языков [Ertel 1972; Ertel, Dorst 1965]. Полученные результаты позволяют говорить об универсальном характере звуко-символизма.

Звуко-символизм в грамматике также рассматривался в немецкоязычных работах: редупликация и семантика множественности, повторения, увеличение размера или интенсивности [Cassirer 1923]; более ранние формы обладают большей звуко-символической выразительностью [Ertel 1969]; в сильных глаголах в германских языках передние гласные чаще встречаются в формах настоящего времени, а задние – в формах прошедшего [Louden 2000].

Большая заслуга в исследовании звуко-символизма на материале немецкого языка (в том числе в сопоставительном плане) принадлежит В. В. Левицкому и его школе. Исследованы символические свойства гласных и согласных немецкого языка (часто в сопоставлении с другими языками), соотношение фонетического и коннотативного значения слова, фонетическое значение и мотивированность, а также семантические и стилистические функции сочетаний фонем [Кушнерик 1987; Найдеш 1998, 2000; Левицкий 1983; Левицкий 1986; Жерновой, Левицкий 1988; Комарницкая 1985; Львова 2004 и др.].

Богатый материал по немецкой звукоизобразительности можно найти в работах А. Б. Михалёва и его учеников [Тамбиева 2003; Зимова 2005; Данилова 2007; Джукаева 2010а, 2010б и др.], которые проводят сопоставительные исследования согласно теории фоносемантического поля [Михалёв 1995].

Немецкий и русский материал часто используется в качестве сопоставительного: русского, английский и абазинский [Тамбиева 2003], немецкий и новогреческий [Зимова 2005], чеченский, русский и немецкий [Джукаева 2010а], однако указанные работы не содержат специального системного описания ЗИС немецкого и русского языков.

Таким образом, исследование звуко-символизма имеет в германистике давнюю и богатую историю, полученные результаты впечатляют. Для нашей работы результаты, полученные в этих исследованиях, могут служить хорошей сопоставительной базой (звуко-символизм – звукоподражательность), тем самым, с одной стороны, повышая степень достоверности полученных нами результатов, с другой стороны, – позволяя накапливать материал для доказательства тезиса о принципиальной иконичности языкового знака.

В кандидатской диссертации О. В. Шестаковой проводится сопоставление семантического пространства ономотопеи, выделенного автором, со звуко-символической семантикой начальных согласных («дентальная», «лабиальная», «велярная» лексика) в древнеанглийском и индоевропейских языках [Дрожащих 2005], семантикой фонестем русского, французского, английского, арабского, немецкого, абазинского, чеченского, новогреческого языков [Михалёв 1995; Зимова 2005; Джукаева 2010]; семантикой редупликативов в славянских языках [Колева-Златева 2008].

Установлено, что семантические области звукоподражательных и звуко-символических полей совпадают на 89,5 %; только 10,5 % групп ономотопей не нашли семантического соответствия в области звуко-символизма. Области максимального совпадения семантики ономотопей и звуко-символизма связаны с семантикой *Соединение, Искажение, путаница; Увеличить; Округлость, шар, шишка; Стык, граница; Механическое движение; Физиологические процессы* и др. На наш взгляд, примарная мотивированность языковой единицы обуславливает единство семантического пространства всех слов иконического

происхождения. Можно полагать, что общность семантики ономастических и звуко-символических слов обусловлена синкретизмом древних основ, который сохраняется в иконической лексике в современной синхронии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алференко Е. В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 16 с.
2. Анищенко А. В. Функциональный аспект междометных единиц: на материале современной австрийской художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.
3. Бабаева Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 258 с.
4. Болтнева Н. А. Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 165 с.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
6. Глухарёва Е. А. Ономастические глаголы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 19 с.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
8. Данилова М. Э. Семантика рифм современной английской лексики: фоносемантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 234 с.
9. Дементьева Н. А. Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1982. 18 с.
10. Джукаева М. А. Межъязыковые фоносемантические свойства спирантов (на материале чеченского, русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010а. 26 с.
11. Джукаева М. А. Сравнительно-сопоставительные фоносемантические особенности спирантов немецкого и чеченского языков // Университетские чтения. Пятигорск, 2010б. Ч. 7. С. 71–72.
12. Дрожжих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32 с.
13. Зализняк А. А. О понятии семантического перехода. On the notion of semantic shift [Электронный ресурс] // Диалог-21. 2009. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/18.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
14. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.

15. Зимова М. Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 17 с.
16. Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. 163 с.
17. Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (На примере ярославских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 21 с.
18. Колева-Златева Ж. Об этимологии некоторых слов, указанных как неясные в Этимологическом словаре украинского языка // Slavica 35. Debrecen, 2006. С. 31–48.
19. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Debrecen, 2008. Vol. I. 355 с.
20. Комарницкая Л. А. Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985. 17 с.
21. Корниенко Л. И. Структурно-семантические особенности звуко-подражательных глаголов современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983. 19 с.
22. Косов В. Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 30 с.
23. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2010. 316 с.
24. Левицкий В. В. Начальные сочетания фонем в английском языке // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. Киев: Выща шк., 1983. С. 8–18.
25. Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность: монография. Черновцы: Рута, 2009. 186 с.
26. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 1997. 151 с.
27. Литовкина А. В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 213 с.
28. Максимова С. Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге: на материале немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 189 с.
29. Матасова О. В. Звукоподражательные междометия немецкого языка. Фоносемантический и семантико-диахронический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
30. Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля: монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. 213 с.

31. Михалёв А. Б. Лексико-семантическое содержание фоносемантического пространства морфемотипа [Spir – Lab.Plos (B/P)] [Электронный ресурс]. URL: http://amikhalev.ru/?page_id=153 (дата обращения: 14.06.12).
32. Пауль Г. Первотворчество // Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. Л., 1990. С. 45–58.
33. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2008. 442 с.
34. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Сарат. мед. ун-та, 2007. 279 с.
35. Тамбиева Ж. М. Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 17 с.
36. Филимоненко С. А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 26 с.
37. Хабибуллина О. А. Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 154 с.
38. Шахнарович А. М., Юрьева Н. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики на материале онтогенеза речи. М., 1990. 165 с.
39. Шляхова С. С «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005. 350 с.
40. Шляхова С. С., Лобанова А. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / Перм. гос. гум. пед. ун-т. Пермь, 2012. 297 с.
41. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учеб. пособие. М.: Изд-во МГИМО: ЧеРо, 1996. 254 с.
42. Левицький В. В. Семантичні і стилістичні функції початкових сполучень фонем у німецькій мові // Іноземна філологія. 1986. № 81. С. 75–80.
43. Львова Н. Л. Дослідження звукосимволічних зв'язків між англійськими початковими приголосними сполученнями та морфологічними категоріями // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія: всеукр. зб. наук. пр. Г94 Черкаси: ЧДТУ, 2005. Число дев'яте. С. 255–258.
44. Львова Н.Л. Звукова символіка початкових сполучень фонем у лексичному складі сучасної англійської мови // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: Рута, 2004. Вип. 213. С. 3–14.
45. Найдеш О. В. Явище фоносемантизму в німецькомовній поезії // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: ЧДУ, 1998. Вип. 41. С. 14–25.

46. Найдеш О. В. Суб'єктивні тенденції у вивченні символіки початкових фонемних сполучень німецької мови // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман філологія. Чернівці: Рута, 2000. Вип. 71. С. 131–138.
47. Найдеш О. В. Розподіл фонестемної лексики за морфологічними підкласами // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: зб. наук. пр. Герман. філологія. Чернівці: Рута, 2008. Вип. 407. С. 154–162.
48. Anschütz G. Untersuchungen zur Analyse musikalischer Photismen // Archiv für die gesamte Psychologie. 1925. Bd. 51. S. 155–218.
49. Anschütz G. Untersuchungen über komplexe musikalische Synopsie // Archiv für die gesamte Psychologie. 1926. Bd. 54. S. 129–273.
50. Argelander A. Das Farbenhören und der synästhetische Faktor der Wahrnehmung. Jena, 1927. 172 s.
51. Aschenbrenner M. Die Sprache als Kunstwerk. Von der Bildekraft der Konsonanten. Schaffhausen, 1975.
52. Beeli G., Esslen M., Jancke L. Frequency correlates in graphemecolour-synaesthesia [Электронный ресурс] // Psychological Science, in press, 2007. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
53. Bleuler E. Zur Theorie der Sekundärempfindungen // Zeitschrift für Psychologie. 1913. № 65. S. 1–39.
54. Bos M. C. Über echte und unechte audition coloreé // Zeitschrift für Psychologie. 1929. № 111. S. 321–401.
55. Brock E. Der heutige Stand der Lautbedeutungslehre // Trivium Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Stilkritik. Horgen Zürich, 1944. № 2. S. 199–219.
56. Brown R. [Review of] Untersuchungen zur Onomatopoeia by Heinz Wissemann // Language. 1956. № 31.
57. Budde E. Music, sound, color: The problem of synaesthesia in the early compositions of Ligeti // Musik & Bildung. 1989. Bd. XXI. S. 68–75.
58. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934. 434 s.
59. Burkhardt A. Gesprächswörter. Ihre lexikologische Bestimmung und lexikographische Beschreibung // Konzept zur Lexikographie. Studien zur Bedeutungserkl. in einsprachigen Wörterbüchern. W. Mentrup (Hrsg.). Tübingen, 1982. S. 138–71.
60. Burkhardt A. Interjektionen: Begriff, Geschichte, Paraphrasen // Particulae particularum: Festschrift zum 60. Geburtstag von Haraldt Weydt. Tuebingen: Stauffenburg Verlag, 1998. S. 43–73.
61. Cassirer E. Die Kantischen Elemente in Wilhelm von Humboldts Sprachphilosophie Festschrift für Paul Hensel. Greiz; Ohag., 1923. S. 105–127.
62. Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1995. 864 s.
63. Ehlich K. Interjektionen. Tübingen: Niemeyer, 1986. 314 s.

64. Engelen B. Die Synästhesien in der Dichtung Eichendorff's mit einem Anhang über die sogenannte 'Audition coloree' und über Synästhesien in der Dichtung des französischen Symbolismus [Электронный ресурс]. Köln, 1966. URL: <http://www.trismegis-tos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
65. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3. neubearb. Aufl. Berlin: Schmidt, 1997. 182 s.
66. Ernst E. M. Die Onomatopoetik der Tierlaute und der entsprechende Verben im Deutschen, Französischen und Italienischen [Электронный ресурс]. Vienna, 1990. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
67. Ertel S., Dorst R. Expressive Lautsymbolik: eine Überprüfung der Hypothese mit 25 Sprachen // Zeitschrift für experimentelle und angewandte Psychologie. 1965. № 12. S. 557–569.
68. Ertel S. Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). Göttingen, 1969. 230 s.
69. Ertel S. Erkenntnis und Dogmatismus // Psychologische Rundschau. 1972. № 23. S. 241–269.
70. Fischer O. E. T. A. Hoffmann's Doppelempfindungen // Archiv für das Studium neueren Sprachen und Literaturen. 1909. Bd. 123. S. 1–22.
71. Fries N. Interjektionen, Interjektionsphrasen und Satzmodus // Inger Rosengren (Hrsg.): Satz und Illokution I. Tübingen, 1992. S. 307–341.
72. Fründt H. Die ratio-kausale Quelle des Logos: Studien über den Ursprung der Sprache. Aachen: Fischer, 2007. 214 s.
73. Groß M. Zur linguistischen Problematisierung des Onomatopoetischen. Hamburg, 1988. 261 s.
74. Günther H. Gesamtkunstwerk: Between synaesthesia and myth [Электронный ресурс] // Bielefelder Schriften zu Linguistik und Literaturwissenschaft. 1994. № 3. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 25.07.11).
75. Hartmann O. Farbenhören und Tönesehen // Kosmos. 1921. № 18. S. 69–72.
76. Haselbrock K. Über das Farbenhören // Zeitschrift für Psychologie. 1935. № 136. S. 4–6, 292–298.
77. Haverkamp M. Synasthetische Wahrnehmung und Geräuschdesign [Электронный ресурс] // Fortschritte der Akustik. 2002. URL: http://www.michaelhaver-kamp.de/Syn_Wahrn_Ger_update_05_HAV.pdf (дата обращения: 12.09.12).
78. Haverkamp M. Visualisation of synaesthetic experience during the early 20th century – an analytic approach // The International Conference on Synaesthesia, Medizinische Hochschule. Hannover. March, 2003. URL:

http://www.micha-elhaverkamp.de/Synaesthesia_MHH_Haverkamp_LQ_2003.pdf
(дата обращения: 12.09.12).

79. Haverkamp M. Audio-visuelle Verknüpfungen im Wahrnehmungssystem und die Eingrenzung synästhetischer Phänomene // Sidler N. & Jewanski J. Von der Farbe-Ton-Beziehung zum Farblichtflugel. Bern, 2004. URL: <http://www.michaelhaverkamp.de/synaesthesie.htm> (дата обращения: 12.09.12).

80. Hein H. Untersuchungen über die Gesetzmässigkeiten der Zuordnung von Farben zu Tönen // Archiv für die gesamte Psychologie. 1926. Bd. 56. S. 95–176.

81. Henning H. Eine neuartige Komplexsynästhesie und Komplexzuordnung // Zeitschrift für Psychologie. 1923. № 92. S. 149–160.

82. Hilmer H. Schallnachahmung, Wortschöpfung und Bedeutungswandel. Halle: Niemeyer, 1914. 356 s.

83. Hornbostel E. M. Die Einheit der Sinne // Melos, Zeitschrift für Musik. 1927. № 4. S. 290–297.

84. Hornbostel E. M. von Über Geruchshelligkeit // Archiv für die gesamte Physiologie. 1931. Bd. 227. S. 517–538.

85. Hug-Hellmuth H. von Über Farbenhören // Imago. 1912. № 1. S. 228–264.

86. Jewanski J. Ist C = Rot? Eine Kultur-und Wissenschaftsgeschichte zum Problem der wechselseitigen Beziehung zwischen Ton und Farbe. Von Aristoteles bis Goethe. Berlin, 1996.

87. Jewanski J. Die Farblichtmusik Alexander Laszlos // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 1997. Bd. 60. № 1. S. 12–43.

88. Kayser W. Die Klangmalerei bei Harsdörffer: Ein Beitr. zur Geschichte d. Literatur, Poetik u. Sprachtheorie d. Barockzeit. Leipzig: Mayer & Müller, 1932. 282 s.

89. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg: Carl Winter, 1952. 204 s.

90. Langenbeck K. Die akustisch-chromatischen Synopsien // Zeitschrift für Sinnesphysiologie. 1913. № 47. S. 159–181.

91. Lenzberg K. Zur Theorie der Sekundärempfindungen und Bleulerschen Theorie im besonderen // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1923. № 21. S. 283–307.

92. Lindner G. Zur emotionalen Dimension der lautsprachlichen Kommunikation // Von Sprechkunst und Normphonetik. Verlag Werner Dausien, Hanau und Halle/S., 1997. S. 104–109.

93. Löef C. Farbe-Musik-Form, ihre bedeutenden Zusammenhänge. Musterschmidt, Göttingen. 1974.

94. Lomer G. Beobachtungen über farbiges Hören // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1905. Bd. 40. S. 593–601.

95. Louden M. L. Umlaut, Ablaut, and Phonetic Symbolism in German // *General Linguistics*. 2000. № 37. P. 1–22.
96. Magnus M. *Bibliography of Phonosemantics*. 2006. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).
97. Magnus M. A. *Dictionary of English Sound*. 1999. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).
98. Magnus M. *The Gods of the Word*. Truman State University Press. 2001. 192 p.
99. Marchand H. Review of Heinz Wissemann's *Untersuchungen zur Onomatopoeia // Indogermanische Forschungen*. 1959. Bd. 64. S. 83–87.
100. Margis P. *Die Synästhesien bei E.T.A. Hoffmann // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 1910. № 5. S. 91–99.
101. Martin L. J. *Über ästhetische Synästheie // Zeitschrift für Psychologie*. 1909. № 53. S. 1–60.
102. Maur K. V. *Vom Klang der Bilder*. München; London; New York: Prestel, 1999. 127 s.
103. Müller H. *Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn*. Potsdam, Berlin: Müller & Kiepenheuer Verlag, 1935. 154 s.
104. Nübling D. *Die prototypische Interjektion: Ein Definitionsvorschlag // Zeitschrift für Semiotik*. 2004. Bd 26. Heft 1–2. S. 11–45.
105. Pfister O. *Die Ursache der Farbenbegleitung bei akustischen Wahrnehmungen und das Wesen anderer Synästhesien // Imago*. 1912. № 1. S. 265–275.
106. Pütz A. *Von Wagner zu Skrjabin // Kölner Beiträge zur Musikforschung*. assel. Bosse, 1995. Bd. 186. 237 s.
107. Rainer O. *Musikalische Graphik: Studien und Versuche über die Wechselbeziehungen zwischen Ton und Farbharmonien*. Wien: Deutscher Verlag für Jugend und Volk, 1923. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 16.05.2011).
108. Reinius J. *Onomatopoetische Bezeichnungen für menschliche Wesen, besonders im Deutschen und Englischen*. Stockholm, 1908. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11)
109. Reisigl M. *Sekundäre Interjektionen*. Frankfurt/M.: Lang, 1999. 259 s.
110. Révész G. *Über audition colorée // Zeitschrift für angewandte Psychologie*. 1923. № 21. S. 308–332.
111. Schippan T. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1984. 307 s.
112. Schliebe G. *Über motorische Synästhesien (Photismen) // Archiv für die gesamte Psychologie*. 1932. № 85. S. 3–4, 289–333.
113. Schmauks D. *Die Visualisierung von Interjektionen in Werbung und Comic // Zeitschrift für Semiotik*. 2004. Bd 26. Heft 1–2S. 113–128.

114. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Berlin: Volk und Wissen, 1959. 318 s.
115. Schmitt A. Schleifton und Stoßton // Zeitschrift für Phonologie. 1950. № 4.
116. Sieberer A. Primäre oder sekundäre Lautbedeutsamkeit? // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. 1947. № 9. S. 35–52.
117. Siebold E. Synästhesien in der englischen Dichtung des 19. Jahrhunderts: Ein ästhetisch-psychologischer Versuch // Englische Studien. 1919–1920. Bd. 53, № 1. S. 1–157, 196–334.
118. Sommer F. Lautnachahmung // Indogermanische Forschungen. 1933. Bd. 51. S. 229–268.
119. Steinthal H. Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens. Hildesheim, New York: Olms, 1974. 380 s.
120. Stelzner H. F. Ein Fall von akustisch-optischer Synästhesie // Albrecht von Grafes Archiv für Ophthalmologie. 1903. Bd. 55. S. 549–563.
121. Teichmann A. Tone – color – expression: On the synaesthetic principle in the work of Wassily Kandinsky and Arnold Schoenberg // Beiträge zur Musikwissenschaft. 1990. Bd. 32, № 3. S. 204–213.
122. Trabant J. Gehören die Interjektionen zur Sprache? // Partikeln und Interaktion. Harald Weydt (Hrsg.). Tübingen, 1983. S. 69–81.
123. Truman P. Synaesthesia and 'Die glückliche Hand' // Interface. 1983. № 12. S. 481–503.
124. Ullmann S. Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 278 p.
125. Voss W. Das Farbenhören bei Erblindeten: Untersuchungen über Wesen und Arten der Photismen bei blinden Synoptikern unter besonderer Berücksichtigung des Formproblems // Archiv für die gesamte Psychologie. 1929. Bd. 73. S. 407–524.
126. Wandruszka M. Ausdruckswerte der Sprachlaute // Germanisch-Romanische Monatschrift. 1954. № 35. P. 231–240.
127. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zuerich: Dudenverlag, 1993. 1111 s.
128. Wellek A. Das Farbenhören im Lichte der Vergleichenden Musikwissenschaft (Urgeschichte des Doppelempfindens im Geistesleben der Orientalen) // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1929. № 11. S. 470–497.
129. Wellek A. Beiträge zum Synästhesia-Problem (Sammelreferat) // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1930. Bd. 79. S. 193–201.
130. Wellek A. Der Sprachgeist als Doppelempfinden // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1931. № 25. S. 226–262.
131. Wellek A. Farbenharmonie und Farbenklavier. Ihre Entstehungsgeschichte im 18. Jahrhundert // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1935 № 94. S. 347–375.

132. Wellek A. Das Doppelempfinden im 18. Jahrhundert // Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1936. № 14. S. 75–102.
133. Werner H. Grundlagen der Sprachphysiognomik. Leipzig, 1932. 226 s.
134. Wilde H. Interjektionen als stilsprachliche Kriterien. Hamburg, 1978. 279 s.
135. Willkop E.-M. Gliederungspartikeln im Dialog. München: Iudicium-Verl., 1988. 312 s.
136. Wissemann H. Untersuchungen zur Onomatopoeia. Heidelberg: Theil, 1954. 241 s.
137. Wundt W. Völkerpsychologie. Die Sprache. Paderborn: Salzwasser Verlag GmbH. Nachdruck des Originals von 1900. Bd 1. 644 s. URL: <http://books.google.de/books?id=8gOShrt00uMC&pg=PA308&lpg=PA308> &dq (дата обращения: 21.09.12).
138. Würtenberger F. Musik und Malerei: Die Geschichte des Verhaltens Zweier Künste zueinander [Электронный ресурс]. Frankfurt, 1979. URL: <http://www.trismegistos.com/MagicalLetterPage/Bibliography.html> (дата обращения: 12.07.11).
139. Yang Ch. Interjektionen und Onomatopoetika im Sprachvergleich: Deutsch versus Chinesisch: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, 2001. 217 s.
140. Zietz K. Das Problem der 'Synästhesie' und die Frage des 'desintegrierten' Typus // Zeitschrift für Psychologie. 1935. № 135. S. 4–6, 348–401.
141. Zietz K. Gegenseitige Beeinflussung von Farb- und Tonerlebnissen // Zeitschrift für Psychologie. 1931. № 121. S. 257–356.

Специально для проекта О.В. Шестакова (Пермь, Россия, 2014)